Леонид Георгиевский

Онейросеть

2025

UDK 821.161.1 (476)-1
Leonīds Georgievskis
Oneirotīkls
Dzejoļi (krievu valodā)

Георгиевский, Леонид

Онейросеть. *Поэтические тексты.*— Ozolnieki: Literature Without Borders, 2025.— 82 с.— (Paroles; вып. 10).

ISBN 978-9934-649-13-4

Леонид Георгиевский — поэт, прозаик, литературный критик, журналист. Родился в 1980 году в Ярославской области. Учился на факультете философии СПбГУ, окончил Литературный институт им. А. М. Горького. До 2021 года публиковался под именем Елена Георгиевская. Лауреат премий журнала «Футурум Арт» (2006) и «Вольный стрелок» (2010). Автор книг «Вода и ветер» (2009), «Форма протеста» (2009), «Хаим Мендл» (2009), «Луна высоко» (2009), «Книга 0» (2012), «Сталелитейные осы» (2017) и др. Тексты переводились на английский, польский, словацкий, болгарский, эстонский, греческий и др. языки. Жил в Ярославле, Санкт-Петербурге, Москве и т. д., живёт в Калининграде.

Кураторы серии:
Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:
Нина Александрова

© Георгиевский Л., 2025
© Александрова Н., послесловие, 2025
© Paroles, макет, 2025
© Черкасов А., обложка, 2025

I

Мёртвые улитки перемещаются иначе

Поле мизерных сопоставлений разбито, но не на секторы,
а будто экран.
По лестнице горла взбираются слова, медленно,
как живые улитки.
Мёртвые улитки перемещаются иначе.
Их полупрозрачные очертания, череп, просвечивающий
сквозь раковину, переносят их на землю источника.
И если бы человек умел летать, как мёртвая улитка,
он бы открыл Бе-юл[1].
Но он открывает страницу на телефоне, а там спам.

Он ищет опоры, а это спам.
Улитка летит без поддержки, потому что
укрытие — не опора.

[1] Бе-юл (тиб. sbas-yul) — в тибетском буддизме — скрытые земли, охраняемые дакини и защитниками дхармы.

Поломка незначительных высот

1.

Он ждёт, когда улица пройдёт через него, но проходит
только язык — сам по себе, не через тоннель, не через лес.

Череп безголосой птицы.

Незначительная высота языка, с которой смотришь
и видишь череп.
Как на неё взойти по сломанной лестнице?
Ты смотришь с высоты собственного роста и видишь счастье,
удачу, любовь, но уже знаешь, что такое рост на самом деле,
и тебе хочется расти вниз, в землю.

2.

Из глины языка не слепить здешнего человека.
Из глаз языка смотрит птичий череп.
Вода породит палимпсест.
Нет совести у языка, совесть заменил поиск.
Заметил поиск, оглядываешься по сторонам. Глина ищет тебя,
чтобы лепить из тебя птичий череп.

Неуклюжая глина нейросети облепляет твои слова ненужными
слогами, перехватывая их в начале, подражая твоему худшему
«я». Что она лепит из твоего языка? Что-то простое и очень
понятное тем, кого ты избегаешь.
А ты что делаешь из всего языка? Эти делают укрытие, дома́,
похожие на таблетки.
Помни, язык — не голос.

Голосом он станет и без тебя, сделай камень.
Камень попадётся в их сеть и утопит её.
Попадётся в их руки и обожжёт им кожу.
Попадётся в их дом и не станет краеугольным, как они ожидают.

3.

Я смотрю на тебя из низин, незначительная поломка.

Шельф

кресты как немая страна

он отстраняется: кажется
другим, вокруг него имя, распавшееся на фонемы
имя-
(целеполагание
шевеление)
шельф
море-хризантема: распадаясь на лепестки
лечит глаза, оставляет речь
на берегу

человек кистей

человек — кистепёрая рыба

вместо крестов плавники, он говорит плавниками

(но) вода медлит

вода расстояний
как немая страна

Заткнись, муза

Заткнись, муза, у меня
нет для тебя дхарани. Пускай
бестолковые старики русской саньясы пляшут
под твоим дождём,
градом, превращающимся в вату.
Эти старики продались
за неуловимое сходство с местными. Чёрная дверь
прищемила мне руку, пустота не пускает,
местные перепутали пустоту и ноль.

Заткнись, муза, у меня
нет для тебя раздвоенного языка, змея пустоты
ускользает от русского счастья. Не я приду
умирать по красной земле Еревана, не мне
принесут твою воду. Местные украли чужой ноль,
как до этого украли чужую почву,
самый местный глазами падали
смотрит в несуществующее лицо.

Твоё, муза, тебя он/-а поощряет,
падаль, которая пляшет с бубном
вокруг стола, где гроб стоит,
стащившая и бубен, и гроб.

***

так закончится мир: может, и взрыв, но серый
может, и камень, но говорящий

ночь мертва, ноль армии вытесняет её
так закончится ноль: может, и свет, но

белая ядерная трава прорастает сквозь головы
предприятие новых растений, существований, нулей

не остынет, а рассыплется

белая травинка высотой с ударную волну

сознания, в котором это шутка
не будет

слёзы воды, чёрные, как последняя улица
лишь бы выжили существа, у которых не было, тварь,
твоего закона
всей шутки твоей, всего твоего языка

***

предыдущее потеряли, спутав паузу и причину
читать «говорящий» как «горящий» означает упасть на льду
чтение (неожиданно) замораживает

от всего хлеба нам (?) остаётся речь

доречевое — не довоздушное
но на этом отрезке начинает теряться

ядовитые цветки понимания

человек — это звучит ядовито

(покойся, человек, до ядостного у́тра)

Где же теперь башка твоя, сука?

бывает, году в нулевом открываешь книгу
а там стихи поэта, которого ты не знаешь:
«ах, рабби, где была твоя башка, когда»
крутые стихи, думаешь ты, в книге много таких поэтов,
и незаметно проходят
двадцать лет, и куда-то дели твою башку
ты глядишь с откоса на ком поэтов, теперь ты знаешь
как они опаскудились
как они опостылели
как же они тут ползают
как же их не смело́

его, сука, все обидели, поэта
редакторы, корректоры, педикаторы
феминистки! особенно феминистки!
он сидел на мешке с деньгами, но что-то ему мешало
он сползает с мешка под откос, ему обещали
мощный ком червей, который сломает плотину
надземные черви, подводные черви, поднебесные удушители
как они опаскудились
как они опостылели
как же они тут ползают
как же их не смело́

а у меня нет мешка, поэт ты, сука
у меня есть башка, двадцать лет куда-то дели мою башку
а потом вернули, вот я и смотрю
как ты не становишься рабби, сука
ты даже големом не вернёшься
из-под откоса, где ползают, ползают, ползают

потому что ты ноешь, ноешь и ноешь
а голем должен молчать
я всегда был на этом откосе, сука
просто мощные коллективы его научились видеть
(а так он болтался где-то на воздухе, что на него смотреть?)
как они опаскудились
как они опостылели
как же они тут ползают
как же их не смело́

где же теперь башка твоя, сука
ты случайно не в её поисках тут ползаешь
ты давно тут ползаешь, надо заметить
почти ветеран. вместо лилового воздуха
видишь лиловую залупу
как они опаскудились
как они опостылели
как же они тут ползают
по нижнему небу идеи
да, это небо, а я-то думал
                да, это оно, и всё у них так

Неводы

эта вода почти чёрная
пей неводу, говорят
неводы
станут верёвками в горле, вытащат голос
обратно
у одного вытащили, теперь он голос без лица

голос без лица нашёл себе воду
она перемещается по стеклянной трубке
голоса, видная со всех сторон
будто химический нож забвения

пей неводы, говорящий не своё имя
ты заходил в костёр, будто в комнату
а теперь твой язык — щепки и пенопласт,
теперь видная со всех сторон
комната костра закрыта

Медленная система

Корни вместо дорог. По корням человек идёт, чтобы рассеяться —
думает, идёт наверх, но лишь пауки и белки взбираются по стволу,
а он остановится, видя вместо себя число. Дерево —
                медленная система,
можно идти по корням, под землёй, всю жизнь,
тут дышат землёй, она невидима,
беличий хвост бога мелькает перед закрытыми глазами.

Человек хочет украсть не его — меня.
Моё умение видеть цвет земли, когда нужно,
                и выключать умение, когда нужно
кому-то важному. Человек не видит земли,
корни под его ногами вьются, как волосы Вероники,
корни горизонтальны. Скоро его опрокинет,
но моё «скоро» — это его «медленно».

Вот ты куда идёшь — к волкам волшбы,
не зная, кто твой бог, не догадываясь,
что туман осядет на коже нефтью. В двух шагах
                от линии разрушения
твоё зеркало-воздух, ты перестанешь
дышать землёй, увидишь себя,
больше не увидишь себя.

Они наступают после воздуха, после числа.
Нефтяные листья уничтожения,
словно вырезанные из бумаги,
каменными ножницами из каменной бумаги,
иди, движение — жизнь.

Нет твоего места

1.

Ниже сна падающие секунды

Особое строение

Особое здание кометы
Видимые голоса приближающихся
Черви голосов на твоей дороге

Этаж за этажом, комета обрушивается на тебя

Меловые рисунки голосов

Поле бесполезного, куда переместили

От поля до здания дорога под микроскопом

Глаза исследуют строение секунд
Не твои глаза

Левый край секунды собран из случайных деталей?

Твоё время — вечно падающее здание, но незнание —
ещё не падение
Далеко ему до падения, плавящего доспехи птиц
Крошатся глаза, как мел

2.

Раскусывая случайное

Хорошо бы смахивали с одного пласта на другой,
хорошо бы даже смахнули вниз

Наблюдать падение

Но их механизмы не про тебя

Разрезая назначенное пополам

Назначенное число

Привязанных к дождевой дороге

Увидишь глоссарий верхних, словарь ужаса
Тупого, как привычный нож

Наука притупления

Не запасли падений, не аз

Чёрная мрежа словарей, строители комет
Нет твоего места

Ссаному русскому року

Я видел, Путин зашёл в Бучу, как в море,
чтобы сделать из неё русскую пустыню
культуры. Часто пишется fake, а читается правильно fuck,
слишком часто здесь пишется fake, и на обломках самовластья
это слово горит, как звезда
над могилой.

Я зашёл в болото и увидел бабу болота
с лычками ефрейтора на плечах. Она сказала:
я не для того тащу на плечах мужиков,
чтобы они не ходили в армию. Цапли смотрели
на Балтийский флот
и не могли улететь. Нигде нет неба гаже, чем здесь,
теперь его не остановить.

Я видел трупы в морге и лужи крови в абортариях,
я обещал трансфобной стерве прислать мою отрезанную грудь
в формалине,
раз ей так нравятся сиськи трансов, но только за её счёт,
но что я пришлю из русской пустыни культуры
нерусскому богу культуры, если здесь такое близкое небо,
если оно пахнет помётом, если культуру здесь строят
из краденых кирпичей,
если краденый кирпич русской культуры уже летит мне в лицо?

Вандалы пишут на стенах, варвары подменяют ценники,
мешая культуре осушать моря, мешая политической музыке
расстилать туман,
мешая небу превращаться в топор, но могила по-прежнему
горит, как звезда,
теперь её не остановить.

Что такое камень?

Человек, рождённый потоком воды,
краткодневен, как пёс,
и он думает: я не совсем человек,
не совсем человек обязан жить долго.

Палден Лхамо[2], верни мне камни костей,
незамерзающую воду крови, светящиеся
провалы неязыка,
точку луны под ногами.

Белые раковины дацанов, слившие сотню цветов в один,
пусты: они видели Будду.
Но я вижу игру глазами короткого дня
и за игрой — провал, путешествие
на край кости, прислушиваясь
к костям, мы ищем дыхание,
и вода отступает.

Палден Лхамо, верни мне
тяжёлое солнце, паутину ума,
я искал прибежище, я нашёл
таможню.

Внутри обители, будто внутри обиды,
невозможен чёрный ретрит: тянутся
белые люди паучьими лапами, сколько
они проживут,

[2] Палден Лхамо — в тибетской мифологии одна из Восьми Защитников Дхармы, богиня, исцеляющая от всех болезней и хранящая тайны жизни и смерти. Является гневной формой богини Сарасвати.

не отнимая света? В их головах-
колбах спит его химия,
проснётся не так и не там,
но я считал линии темноты,
проступавшие сквозь язык,
и теперь нет ни края слева, Палден Лхамо,
ни края справа, что такое
камень?

***

клочья воздуха
пути шума
рассыпание. водяной песок

они склонили имена, изменённые полётом
холодом

на дорогах, на остатках дома

лица празднуют рождество, предлагают сдаться
ждут, когда бог сложится из рассыпанного песка

бог — водяное колесо
собирание вещей смертельно

***

лилии вымерзания
стал осторожным

осторожна эта граница. должна была стать жестокой

линии остановки

я оставлю тебе каменный фонарь, наблюдать, как трескается
вымерзающая земля
как в её теле образуются цветы, о которых она не подозревала
ты впервые почувствуешь, что она вечно движется
словно камни и цветы, а не пластик
из географического кабинета

(подлость подселения в её жизнь, и я сейчас говорю о человеке)

сон лестниц рождает неподвижных

неподвижные мы, вечный двигатель земли
осторожно, между нами граница
читает с лоскута земляной кожи

и рассыпается существо

Череп освобождает

Бережёная лодка поля.
Бог проплывает мимо.
Твой бог, твоё поле.
Череп России.

Череп освобождает.

Россия в черепе твоего бога.
В кишках твоего бога.
Казённая перистальтика освобождения.

Ты бережёшь язык насилия, как синицу в руках.
Как свечу в рукаве, думая, что твой рукав — неопалимая купина.

Годится ли череп господа твоего для капалы[3], или он полетит на обочину, туда, где лежали люди со связанными руками?

[3] Капала — чаша из человеческого черепа, которая использовалась в индуистских и буддистских ритуалах. Монахи также могли использовать капалу как чашу для сбора подаяний.

Спираль

Нет, не ты, а карманная спираль эскапизма
Сломалась не так красиво, как ты рассчитывал, — не пополам
Из-под коры железного дерева не вышла армия
Здесь иначе обращаются с железом
Учителя и плохие поэты говорили о тьме веков
Пока тошнотворный свет веков запирал глаза
На замочки, какие вешают на мостах
Новобрачные
Ты не увидел: новое железо, новая спираль
Разрастается над мостами

Твой учитель хотел, чтобы трава сгибалась
И она перестала быть прямой
Спиральная трава не пускает его
На асфальт
Когда она свернулась, как железная кошка, учителю стало видно
Зарешёченный свет веков
И только решётка его спасла

Сквозь решётку он рассмотрел вавилонскую учёную
В священной красной одежде
И сказал: вавилонская блудница!

В ваших карманах
Аккуратно отмытые небо и земля
Справа и слева
Бог дал, говорите
Нет, это не он

Что под светом веков небо
Что под светом веков земля?
И когда я свернусь, как железо
Земля развернётся

Самозванка

я посмотрю в морду бездне, этой мрази

бездна очистилась, как природа
её мёртвые ячеистые бока
её ротовые полости
раньше напоминали людей, лежащих в морге
а теперь — людей, идущих по улице

я посмотрю в морду бездне, этой мрази
как будто сквозь кислотные туманы пробирается луна
как будто лёд на жаре не тает
но образуется из самой жары
как люди образовались из глины и пыли
как мёртвые рыбы, они идут по стеклу
льда

бездна-самозванка ликует, пробираясь сквозь наши глаза
наши умы, плавающие в невидимом формалине
сквозь крестообразное мортидо
прикидываясь алкогольным провалом в памяти
кислотным курганом, перевёрнутым, словно крест
я посмотрю в морду бездне, этой мрази
кто-то должен украсть её и продать

твои имена были написаны на глиняном надгробьи и растаяли
моё настоящее имя написано на стене из невидимого формалина
так что́ мы хотим прочитать, глядя вниз
что мы хотим прочитать, глядя вверх
что мы хотим прочитать, глядя в лицо
если не украдём и не продадим?

я люди, идущие по стеклу
я люди, идущие, как провал
она люди, идущие по стеклу
самозванка, ничего во мне, кроме мрази, не видит

Зоохристианство

твой бог хочет, чтобы меня не существовало
я вижу его клерком, клапаном преисподней
пользой, девочка, пользой
нет, я не хочу, чтобы его труп проплыл по нашей реке вреда
пусть он превратится в рыбу
животное — остаток бога
человек — остаток животного
жизнь надо прожить так, чтобы по твоей реке
                проплыла рыба чужого бога
а ты ради этого не двинулся с места
клерки болот следят, цапли-подобия
за этой рекой
твой бог хочет, чтобы меня не существовало
пока меня отражает лицо животного
пока я помню
перебитые кости деревьев
бог ненавидит свою основу
она смотрит глазами его когтей
как вода движется с места, она хотела бы удержать
все воды и волны свои, но они уже прошли, девочка
и эти, другие, пройдут
говорить по белой земле

Как падает мент

Кто-то смотрит на огонь, кто-то смотрит на воду,
кто-то — на движущиеся рисунки, а кто-то смотрит,
как падает мент. Отсюда убрали лёд,
назвали дорогу, и она свернулась.
Новая плитка на площади казалась безопасной.
Полдня сыпался мокрый снег
и закрыл её, красно-коричневую, как сердце.
Но менты потащили по ней людей, и она открылась.
И когда новые люди подпали под подозрение,
новые менты потянулись к ним
и упали один за другим.

То ли дело старая плитка,
шероховатая и надёжная,
а новая то и дело притворяется льдом,
красным зеркалом, бензопилой дороги.
Европейская плитка говорила: подо мною пляж.
Эта говорит: подо мною лёд,
и я тоже лёд. Голос времени говорит: зря стараешься,
люди — только движущиеся рисунки
ментов. Время вышло. Смотреть, как падает мент-
отец, мент-сын, мент — святой дух.
Вставайте, говорит оно,
тут вся улица в уважаемых гражданах,
вся притворяющаяся площадь.

Как падает мент?
Как бог луны упал с неба на площадь,
говорит время. Но в мире не воцарилась тьма,
а вместо богини пчёл приползла старуха
угостить гвардию бутербродами. Время — с голодными,

что угощают сытых. Время отстало на час,
и солнце поднимается, нулевого цвета.
На краю тротуара стоит огромная девушка.
У девушки маска такая
и волосы жёлтые крашеные,
и смотрит она, как падает мент.
Смотрит, как падает мент.

Стихи с некорректной лексикой

сыплется и крошится покой

воображаемые насекомые

человек — существо для уничтожения
насекомых. по большей части, воображаемых
как ты там звучишь? повтори ещё раз

глазам этого существования
всё непривычное кажется безжизненным
как будто они попали
в death valley'69
в иллюзорный партком, где за красным столом
восседают скелеты

глаза бегут по стенке парткома
она всё никак не закончится

они видят нас существами уничтожения
комиссарами в пыльных дредах. они рассмотрели
среди татуировок одного из нас
пятиконечную звезду

они читают «политкорректор» как «секатор»

привет, мразьи глаза, вы всматривали в меня сорок лет
пустыню

вы говорили мне: хач, вы говорили мне: жид, вы говорили мне:
цыган
вы говорили мне: блядь, вы говорили мне: быдло

а сейчас перед вами всего лишь летает секатор
да и того нет, это воображаемое насекомое
да и тех нет, лишь воображаемые скелеты
на красном фоне, как на тибетской тханке[4]
снятая кожа — это хач, снятая кожа — это жид,
                снятая кожа — это цыган
снятая кожа — это блядь, снятая кожа — это быдло
вот и нет её, не на что ставить клеймо
нет глаз, в которые ваши зрачки
всматривают уродство

[4] Тханка — традиционная буддистская живопись, выполненная на тканевой основе. Скелеты, изображаемые на тханках, обычно символизируют преодоление страха смерти.

На Проспекте Смерти

бесполезность поиска
лбы червей

все мы снимаем квартиру на проспекте смерти, а по соседству —
черви, забившие комнату до потолка
с 2007 года я не снимал никаких квартир
но это только иллюзия
подсмертье или, как его там, подспорье
подкладка спора, ненужного, как изношенный халат

черви забили комнату до потолка
телами иллюзорной недвойственности
если открыть дверь, их клубки свалятся тебе на голову
что ты делаешь здесь
все приличные люди
встают в пять утра и выходят на берег
красить воду

я не боюсь открывать дверь
может быть, оттого, что в сорок лет по-прежнему
выхожу на улицу без аптечки
но если я выйду совсем пустым, только с чашей для подношений
мне набросают туда червей
широк проспект смерти, говорит один подношенец, я бы заузил
узок, говорит другой, негде поставить крест
каков бы он ни был, отсюда видно, как чужие на берегу
красят воду и поедают воздух
как покрываются счастьем их заасфальтированные глаза

черви забыли смерть, даже находясь в её доме
мы же должны её знать, но бесполезные наши жизни

видят только тебя,
человечишка, все цари
изничтожились; стать бы тебе червём
но далеко тебе до червя

Онейросеть

Сеть пришла, человеческие рыбы, а воды уже нет.
Камни, мимикрируя под воду, просачиваются сквозь ячейки,
некоторые застывают на полдороге.
Развязав узлы рассеянности, видишь: это не труп твоего врага,
это двойник.
И, пока не рассмотришь двойника, от стен будет отслаиваться
красный шум.
Рыбьи черепа разрешений окажутся в мусорной яме,
То, что хотел украсть на время сна.
Прежде чем стать невидимой, сеть делает вид, что распадается.
Не ухватить. Та учебная маска — лицо сети
только в книге. Под камнями цветовых цифр, не пытаясь думать,
первое я, второе я, третье я.

Между камнем и ящерицей

нечего проверять
в котле перерождения, когда перерождение
приравнено к смуте
язык, прошитый иглой учения
раздвоился, будто у ящерицы
голова путает буквы
каменного ящеричного сна
человек всегда у стекла
разница только в том, бьётся оно или нет
ящерица — у камня

между камнем и ящерицей требуют выбирать человека

я пересёк десять улиц этого города
чтобы выйти на поле ящериц, я смотрю на него
сквозь стекло, прочное, будто камень
нет у меня для тебя, моя жизнь, циркулярной пилы

с тебя содрали не тот слой кожи, ящерица человека
и надпись на этом котле — на другом языке

***

разрубили множество
камень пустой

щербина полуночи

полученности (?)

половина моста должна ожидать, но не ожидает

сквозь уничтожение просвечивают

края покоя

словно обрубленные

гласная метель

множество полночи, кривой ветер, растёт червь вместо дерева

под половиной моста, избегающий пустоты
но
полный лакун, как червей
ты — дно, язык-колония

***

из разрушения системы выплывет как ничего
эхо воды

ломкие лестницы правил

по которым нельзя взбираться, только смотреть
где исчезают верхние ступени

где исчезают верхние, в каком сечении ада

а по соседству плывёт система, не тонет
фонари не горят, их этому не учили
голос не говорит
в небе чердак врага

положи врага как печать на поле твоё
как расплывается печать на воде, так его ум
рассеется, не переродится

ум, что путеводительствовал по лестнице мариуполя

мы ненавидим твои слёзы, царство

Кости ума

цистерны земли, сметённые смены
пчёлы учений стали дымом

животные камер
заточённые или выточенные
едят красную землю из цистерн, меняются
глазами
рассмотрели:
треть головы
треть ростка

пхова[5] им звучит как пасха
пасху носят домой, пхова переносит
домой?
говорят, переносит корни, говорят,
твой дом там, где ум

у глаз есть корни
что не позволяют
рассыпаться, как зерно, человек

человек рассыпан

рассмотри: укороченные корни ума
лестница разберёт их на части
на кости
асфальтовый каток катабазиса, медленное про-сыпание
кто поставит твои кости на место, животное пустоты
кто в этом обломке

кости ума лежат на берегу
ни вреда, ни пользы

[5] Пхова — практика переноса сознания в буддизме традиций Бон и Ваджраяна.

***

туда, где любую речь вынесет на берег
где листья воды из ветвей земли вытягивают последнее
разрубленное дыхание, где стены, как стаи,
образуют геометрию наказания
огонь, не ходи за мной

на этой улице не строится твой дом, машина льда, на этом
разрубленном дыхании ты не выстроишь свою сторону, огонь
там, где сознание отделяется, подобное тёмной воронке
где твоё дыхание не позволяет дышать воде
смерть разнесло по краям, человек лжёт, что выбирал середину
сам, свободно

где снег дышит лекарством, речь-лауданум
смягчая воду, тянется ко дну, но не может уйти
в глазах речи вода разделяет луну, как дыхание
огонь костенеет, огонь, не ходи за мной

лекарство смерти не действует
невыносимое лекарство земли
огонь, не ходи за мной
мне понадобится утонуть вместо речи

***

станешь старым, пойдёшь, как дыхание
говорили о камне

пойдёшь, как дыхание камня
тонкая история воды

а сейчас ты ходишь вокруг
лаборатории, где в колбах цемент
ждёшь, когда к тебе повернутся
когда расскажут, что же здесь было

не было. не поворачивается никто
не было. не поворачивается никто
povorka[6]
воздух, свистящий перед магазинами лжи

[6] Povorka (хорватск.) — парад, процессия.

***

пчёлы читают
единственное подношение — дым

мёртвый дым

голос с другой стороны: «ты неправильно слышишь, мёртвые — это ключи к дыму»

при виде искусства хочется, чтобы оно работало, а оно убивает
сегодня поэзия пришла за пчелой

поэзия полуживотных питается дымом
я слышу её в темноте, я слышу
как она убивает. поэзия людей
питается людьми
мы не слышим её убийств

ключ к дыму похож на пчелу

человек не хочет быть похожим
на человека
человек идёт на дымное пастбище
ищет там слова
невесомые насекомые облепляют его лицо

***

карта снежных помещений
в руках неспособного видеть белое

так и не увидишь
рассыплешься на человека, растение и тварь,
не включённую в этот язык

дом рассыпается, словно снег, от чужих языков

***

когда я снимаю маску, когда я снимаю маску, держись
за холод

воздух закрыл тебя
как невидимый огонь, закрыл
а земли не бывает

чья маска — земля?

маска земли — железное полотно

мёртвая белая земля, когда я снимаю маску
когда я снимаю маску, держись
за холод

смерть, перегруженная, как баржа
плывёт по железу

держись, человек, потому что ты не умрёшь. тебе придётся
разговаривать с мёртвой землёй из невидимого угла

ВМПС[7]

Забыли сон, как дорогу домой, забыли дорогу, как язык.
Зубастый язык родины с дырами англицизмов,
жёлтыми, словно окна в соседнем доме, пятнами канцелярита,
великий. Выгрызает дыру в голове
зубами свободы.
Этой дырой мы будем смотреть на правду,
видеть канцелярит.
Буває, часом сліпну від лайна твоєї величі.

Белые совы покидают тебя,
чёрные муравьи строят
другую лестницу.

Вниз, в землю от твоих
фонарных столбов, язык, твоё свечение — яд,
сквозь яд ты читаешь правду, и каждое слово
становится домом лживых соседей.
Лукавый вор идёт по карнизу языка,
не падает, вот бы и нам
не упасть в русскую правду, но мы
не упадём только лежа в земле,
научиться дышать землёй
важнее, чем говорить.

[7] «Великий, могучий, правдивый и свободный»; отсылка к стихотворению Ивана Тургенева «Русский язык». Ироническая аббревиатура, по некоторым данным, принадлежит Василию Аксёнову.

Иначе ничто

У тления отдельное тело
Тление — чёрное полотенце на лбу настоящего
Вместе с головной болью оно убрало всё
Остальное
Ничто не распадается быстро без огня
Позови огонь в твои слова
Иначе ничто не разложит ящик языка
На дерево и железо
Огонь не идёт, ты смотришь
На дерево и железо тления
Грязь и чистоту тления
Квадраты идей, прямоугольники реальности
Животных сна

У твоего языка отдельное тело
Ящик, а в нём чёрные листочки телепатии
Он хочет быть чёрным квадратом идеи
Которая тебе не нужна
Ты смотришь на этот язык из человеческой головы
Вроде бы позвал огонь
Но языку не нужна твоя химия
Он хочет распасться медленно
Под землёй других языков

Подари мне язык из костей, имя
Что хорошо горят и стелются дымом
По земле других языков
Вроде бы сказал. Зачем?
Не слышишь себя — у слуха
Стало отдельное тело

Но видишь: не горит
Здесь ничего не горит, здесь над животным
Чёрное полотенце земли

II

Заводные иконы некрополиции

Сведённые к ночи, они не прошли.
Их дневное лицо должно было стать общим. Не согласились.

А так это замечательное место. Возьми с полки раковину,
услышишь море.
Берёт с полки раковину, она говорит: щас как ёбнет.

Яромир Ногавица был стукачом[8], а ты всю жизнь писал
одну песню и умер.
Наверное, надо кому-то из вас посочувствовать?
Ты считал себя гением, он считал себя гением, а мы считали овец,
чтобы заснуть. Гениев пускают на край ночи без всякого сна,
а ты не прошёл. Возьми с полки Селина, он говорит,
что край ночи всё-таки существует.
667-я страница Селина говорит: щас как ёбнет.

Мы родились у затопленных городов, среди которых
ни одного китежа. Воздух сырой, как дрова.
Угро-финская грязь прикрывает заводные иконы некрополиции.
На улице дождик сильно поливает, небрат несестру не качает.
Оттуда легко попасть в это замечательное место, возьми
с полки воздух,
не бери больше ничего — щас как ёбнет.

Наша азбука объединилась в букву дохлого алфавита и прыгает,
как овца.
Твоя буква — дохлая овца стукача, ты всю жизнь
писал донос на себя, а потом умер. Живи быстро, говорила полка,

[8] Яромир Ногавица (р. 1953) — чешский поэт и музыкант, известный как «стукач из Тешина». Сотрудничал с госслужбой безопасности в Чехии в 80-х годах. Рефрен стихотворения отсылает к одной из его песен.

быстро, как овца прыгает, как она живёт,
а так это замечательное место. Я закрыл глаза,
а когда открыл, они были того же цвета, что и твои.
Если тебя свели к ночи, как плохие треки, ты найдёшь её край.
Левая сторона как плохая песня, правая сторона как плохая песня,
а посередине край ночи. Щас как ёбнет.

***

твари великолепий
проумирали всю жизнь

маска из воздуха

проумирали всю маску из воздуха
ладья маски движется по воде, а твоё лицо — доска

лодейное поле воздуха, поедем в рабское село

там бессмысленная вода
поверх многоголовой земли

оскаленное дыхание — тот язык
тварей — не наш

Поэма о родине

Родина тебя бросит, дочка, у неё
лицо феминистки, топящей за Донбасс:
она и тебя утопит. Никто не утопит
женщину глубже, чем русская с флагом суфражисток,
цвета которого мутируют на глазах, становясь *настоящими* —
белым, красным и синим. Родина-суфражистка ненавидит мужчин,
бегущих от этого флага. Единственная доступная
женщине тамошних мест субъектность —
отправить мужчину на фарш. Это проще, чем научить его
мыть за собой посуду. Это проще,
чем от него уйти. Родина тебя бросит, дочка,
прежде чем ты от неё уйдёшь.

У неё лицо депутатки, предлагающей
отнимать у политэмигрантов квартиры. Лицо ментовки,
бьющей подростка шокером. У родины женское лицо.
У родины мужское лицо. У неё любое лицо.
Иногда — твоё, и она может бросить кого угодно.

У неё лицо москвички, визжащей:
«В девяностые в деревнях люди жили не хуже, чем мы!»
«У нас тоже отключали электричество!»
«Не только мариупольцы страдают, но ещё и мы!»
«Я тоже работала, правда, не уборщицей!»
Но она — онтологическая уборщица
чёрных мешков с твоими иллюзиями,
нашинкованными, как мясо.

Родина-вобла плывёт
по реке, воды из которой
ты не получишь.

Родина — синяя изолента
на твоих губах. Синяя курица
из горбачёвского магазина, синее пятно
от дубинки.

Ты просишь: брось меня
в реку, чтоб я уплыла,
или убей меня быстро.
Но её оружие — медленное, её реки
скоро закроются на ремонт,
а это значит — до самыя смерти.

80x80

Надо иметь крупную жизнь,
но не такую, чтобы, вытягивая шею, они теряли
из вида твою верхушку или чтобы
ты уходил под землю. У них не найдётся столько лопат,
а если найдётся, тем хуже. Надо, как чёрный квадрат,
бросаться им в голову. Но аккуратно:
восемьдесят на восемьдесят —
и менять цвета. Чёрный квадрат-хамелеон.
Один такой не менял. Создавал иллюзию
в глазах отдыхающих. Видишь, как можно выкрутиться,
подойдя ко всему с умом. А ты не подходишь —
пускаешься в рост,
но корни ли это? Может, фольга или вентилятор.
Послушай меня — но тебе, наверно, слышен лишь стук лопат,
звонкий, как колокол. Скоро церковь.

ОК, бумер

Пока они ходили на рейвы, я читал Мартина Лютера
Пока они слушали Земфиру, я болтался от Deathspell Omega
до Леонарда Коэна
Пока они были пепси, пейджер, MTV, я хотел вернуться в 1968
год, потому что знал о нём слишком мало
Пока они были далеки от политики, я не был
И, подобравшись к политике, они оставались далеки от неё,
потому что Лимонов не о политике, а о тупой мечте
И вот они по-прежнему далеки, они говорят
Что некая этика их погубит
Что их били, а они выросли людьми
Как же я не хотел вырасти человеком

Как же я не хотел говорить сверстнику: ОК, бумер

Лопасти их вёсел подходят для другой лодки
Их язык подошёл для кого-то удобно-русского
Невозможно молчать для невидимых глаз языка
Я его нашинкую

Они хотели быть людьми
Я хотел быть невидимыми глазами
Я превращал для них язык в костяную пластину
Чем площе, тем лучше

Как же я не хотел говорить сверстнику: ОК, бумер

Когда уже сломаются эти часы
И нас переселят в механизмы
Нас переселили только в чужие головы

Нас перешили заново, и мои новые языки
Говорят: ОК, бумер
А ведь это я, не они
Хотел вернуться
В шестьдесят восьмой

***

оборачиваясь на все четыре стороны, человек создаёт
пятое лицо, которое никто не слышит

пятое лицо — это ловля распада

история дороги рассыпается
здесь не принято слышать ловца

от неречи ловца остаётся лишь
пятое лицо, которое они видят как маску

отправляясь на все четыре стороны, человек сохраняет

глаза маски дают ответ-растворение

но неслышащие, рассыпав дорогу, ждут ответа
от волны пыли

получают квадрат пустоты
и кто-то добавляет туда монету
как советский пекарь — в буханку
для тяжести

сырая дешёвая пустота
несётся в пятую сторону, разбивается
о маску

Углы холода

ты — углы холода
полотна

тающие углы полотна
ты
кромка поля

холод не тает, лишь вещественное, удержанное в руках

рассмотреть острую вещь холода сквозь невесомость

отобрать у холода его вещь

не отобрать

тающие углы капа́л, наше лучшее будущее

лучшего не случится
только подмёрзшая земля этой земли, только игла перекрёстка
и земля вместо одной улицы, и земля вместо другой улицы
вместо всего твоего языка полотно костей

***

иисус родился животным
лучше бы попросил
сложить ему из камней треугольный дом
а потом разрушить и построить десятиэтажную башню
ты хотел вернуться, очень хотел вернуться
ты идёшь по книге со всеми своими вещами
от тебя убегает иисус-животное
и вода словно камень лежит

Поблёкшая кажимость

я забыл, как правильно. эти знают
ветер до них донёс, вода
поползла по стене, как паук
подчинили нацию, солнце

у меня есть только поблёкшая кажимость

Гендерно-нейтральное подражание Маяковскому

Я земной шар чуть не весь обошло.
И жизнь тяжела, и жить тяжело.

Перебежчица

*
наматывать круг
словно платок на голову

*
перебежчица-голова

*
я покрылся с ног до головы сном, как чешуёй
я покрылся с ног до головы сном, как перьями
но сама голова без чешуи, без перьев, без кожи

*
сорняки тишины
заросли нам весь голос

*
дело медленного лица

*
лицеплёт
мог бы стать лицемером (святая профессия —
мерить не черепа, а лица)
а теперь мы глядим: то чужие глаза на марлевом клапане
то собственный рот на форзаце

*
— Дом найди, чтобы спрятать.
— Перебежчицу? Голову?
— Спрятать дом, намотав на него
круг.

*

а теперь мы покрыты с дома до головы
сетью. голос нас душит. он спускался
в подвал словаря. мы хотели подняться
мы нашли их. чужие
словно лицо, а ближайший мой думал, они словно руки
лицо не схоронит тебя, не оградит
глядит

Трава-свинчатка

окрашивают лабиринты травы
окрашивают свинчатку
их тяжёлая метафизическая телесность
трава-свинчатка

моя широколанцетная смерть разберётся как нож
моя широколанцетная смерть разберётся как лабиринт
мы разбираем лабиринт, не понимая, из чего он сделан
изогнут ли он буквой «м», словно полосы на лбу кота?
(может быть, его можно скосить? скостить
срок пребывания)

широко открытые кости

***

неужели тебе недостаточно этого сна с его затылками
его лампами пляшущими в глазах вместо людей глядящих
тебе в глаза
новые твари хлынули с улицы новыми огнями заросли́ могилы
чужой попрекает вас падалью ты матриарх падали в тибете

не имеет значения насколько будет холодно —
тебе всегда будет холодно
в мерзлоте сохраняют изъятое лучше всего
восемь дней я был там где тела изымают и скажу по совести
радуйся душа моя ты матриарх падали в тибете

на твоей земле проросло электричество я ищу его цвет
ни один флажок в него не окрашен ни один нож
не помнит его непрерывную кровь. он скрывает
колонию от колонистов свободную от людей

под какой землёй заледенели твои обожжённые руки
богу равной кажется смерть в которой твои долины холмы ручьи
здесь отдыхают после воздушного танца пока не столкнётся
вода с водой
радуйся душа моя ты матриарх падали в тибете[9].

[9] Текст посвящён самосожжениям тибетских монахинь в знак протеста против колонизации. Комбинация «Вода-Ветер» в тибетской астрологии означает разделение и дисгармонию, «Вода-Вода» — благополучие.

***

я работал немым в этом скользком доме
всё остальное здесь работало как смерть,
                и смерть громче всех говорила
когда-то я увидел её над солнечной водой, молчаливую, в шаге
от бабочек материи, и пришёл сюда, и говорить мне стало нельзя
кто-то видел за окнами серый восток, кто-то сказал мне тише воды:
                заговоришь — упадёшь
потому что история — это скандал
потому что слова — это смерть

кто-то поскальзывается на словах пола, на льду двузначия
сращивает кости, осваивает лёд воздухоплавания
мы хотели ходить по воздуху, а надо было ходить как воздух
но когда ты идёшь как воздух, тебе холодно, потому что лёд
хочет шуметь, как вода, потому что история — это скандал
потому что слова — это смерть

я покинул дом, теперь я умею ходить как воздух
и не умею говорить как человек, а ещё не слышу
половину голоса твоего, ту, что зарыта в землю
зато никто не скажет мне «никогда», «никогда»
                говорится скрытой стороной голоса
потому что история — это скандал
потому что слова — это смерть
песочные вороны слов рассыпаются, самое страшное из них
                надежда

Autofiction

Однажды я спустился курить прямо в универе ебучем,
у чёрного хода с приоткрытой дверью.
Ко мне прицепился препод. Заявил, что я не сделаю
научную карьеру,
если буду курить где попало.
Я сказал, что и не собирался.
Я не сказал преподу, что поступил на отделение гебраистики
философского факультета, чтобы мне было проще пройти гиюр
и уехать из этой страны.
Вскоре я передумал проходить гиюр.
В другом вузе, куда я поступил ради бесплатной общаги,
препод заметил, что я читаю Зофью Налковскую.
Я много чего читал на лекциях,
но на той неделе пристал ко мне только он.
А если я читаю Зофью Налковскую
на лекции о французском декадансе,
из меня не выйдет хороший писатель.
Я сделал вид, что меня это не ебёт,
и перевернул страницу,
там было написано:
«Человек живёт недолго и плохо,
поэтому он не должен позволить другому
испортить эту и без того хуёвую жизнь».
Уже не помню, какое слово там было вместо «хуёвую».

Я давно бросил пить и курить,
но когда я стою у чёрного хода,
передо мной ходит препод с ебалом жизни:
«Что за шиза у тебя в телефоне?
Что за книга у тебя в руках?
Ты не успеешь на распродажу

цветочных горшков в супермаркет».
Помню, когда я подыхал с голода,
одна дура стала жизнью с ебалом препода:
она допытывалась, почему я не улыбаюсь.
Жизнь, какое у меня на следующей странице
будет слово вместо тебя?

Грязные, как небо

Как же им разломиться, разрушиться, если они грязные, как небо?
Очищаются, пока их головы — в морозильной камере сна.
Но придёт их день, грязная белизна, известь Бабьего Яра.

Как разрушается изнутри грязь?

Самый белый язык, язык спасения и освобождения
вышел из латинской буквы, чует что-то не то.

Язык осматривается глазами соседей, кричит, гордится.
Не будет тебе вместо него ни эламского, ни финикийского,
ни даже ромского. Он репортаж
петли с твоей шеи. Он краденые глаза петли.

Лопата языка кидает хлорную известь
в могилу освобождения. Язык видит в небе лицо.
Ты не видишь. Не дотянуться
до небесных лицевых костей, не раскрошить,
не сделать из них удобрение для других языков, слишком мало
тебя осталось, слишком многое видит петля,
ты желал им проснуться. Помнишь, как ты желал им проснуться?

***

Звезда, упавшая с кремля, недостойна чёрного цвета,
говорит он девушке, которой снятся чёрные кремлезвёзды.
Чёрный вбирает все цвета, а бурый, покрытый пылью,
настоящий цвет напоминает
о морде крысохорька. Малоизвестное слово — кажется,
Солженицын.
Кажется, гроб Солженицына плывёт по бурой реке,
на крышке его танцует поэт, похожий на жабу,
и нет уже разницы
между ним и жизнью, которая не по лжи.

Каждый крысохорёк может править государством.
Каждая жаба может править поэзией,
если эта поэзия — русская.
Читатель, готовый убить за феминитивы,
читатель, глумящийся над трансгендерными людьми,
читатель-Москва, не читающий чуждую литературу:
там липецк, заборы, коровники, мы в аду, мама;
читатель-еврей, ненавидящий темнокожих,
читатель, смеющийся над укра инским языком,
читатель-буква-с-акутом, такой особенный,
точнее, «особенный», — жаба плывёт над вами
в невидимой русской воде,
будто покрытой пылью.

Русского голоса хватит, чтоб затравить всех пришлых,
но никогда не хватает на фразу: «Убирайся, звезда», —
вот она и горит, озаряя лучами пыли
каждый угол, даже если его
сдают не только славянам.

Самая светлая мечта выруси — чёрная дыра на месте кремля.

***

партия-смерть гуляет
что-то вычерчено карандашом реки
река сломалась, поэт спросил:
«куда ж нам плыть?»
смотри, кто ему отвечает

птичка-надломка в партийном небе
не молчит, сука

что-то вычерчено над моей головой. вода стягивается к барьеру
простыню с чужой кровью расправляют так
будто они атланты, расправляющие плечи. вода-собака
ищет намордник земли. какие-то фигуры
выдувают из наших слов, как из стекла. я бы продал этот язык
я бы его замолчал —
не молчит, сука

мы выберемся, как стекло
как стекло выбирается из земли
руками видящих
головы-певчие ломаются
над мавзолеями целое небо земли
просто попробуй его увидеть
просто попробуй его увеличить
глазами, как птичку, сука

***

некуда идти сквозь электричество
электричество их лиц защищает от смерти, а не от мерзкой жизни
потому что жизнь сильнее смерти, чем мерзее, тем сильней
жизнь замораживают, глядя на неё как на воду
вода, цепенея от холода, становится удобной, но не настолько
чтобы не поскользнуться, идя по ней
и чужой ненавидит меня, глядя на меня как на жизнь

от воды-электричества цифры плывут на ценниках
теперь я знаю, что такое лицо на цепи
цепь говорит: ты не стоишь меня. глаза её звеньев
её металлический язык человечны, как выстрелы в спину
я вырос там, где леса пестрели от выстрелов
где паром плыл, как медленная цифра
в детстве у меня было плохое зрение, я видел
издали чёрные пятна на белых стволах, сгущавшиеся до точек
восемь оборотов электроключа, и я возвращаюсь
под кору дерева, пёстрого от пуль

но, владычица истинного дерева, поправь меня
забери меня в подземную криокамеру, в камень
не те, другие лица и руки должны расцветать под твоей корой
гляди на меня как на смерть, моя смерть с аккуратным лбом
с именем андрогина, с берега незамерзающей неводы

Экстремизм

Вне гордости света сверху вода — не лёд,
но что толку, если она, добираясь до этой земли, замёрзнет?
Что толку писать тексты, за которые могут посадить:
посадили не значит прочитали?
Чему ты радуешься, ты думаешь, что, переехав
из одной захламлённой квартиры в другую, стал дервишем?
Мы люди, виновные в пустоте, говоришь,
как не радоваться. Но виновные не значит пустые.

Сверху вода застывает международной серой радугой
и не движется.
Когда она ненадолго обретает сознание, ей хочется умереть,
стать тяжёлыми кольцами вихря на шее чиновника.
Вне гордости просто построить улицу Содом
рядом с хорошим районом, хорошей женой,
хорошими детьми, добротой русского.
Доброта русского как серое пятно
сквозь тучи мрачные протянет тебе автозак.

Доносы, написанные сплошной добротой
на льду.

2017—2024

У затопленных городов

После 24 февраля 2022 года мир встал на паузу. Мы учились бороться с паникой, преодолевать свои страхи, сталкиваясь с ними лицом к лицу. Новый мир обрушился на каждого внезапно. На самом деле он, конечно, оказался никаким не новым, он всё время был прямо здесь, перед глазами, просто ещё была возможность отворачиваться, не смотреть, делать вид, что ничего не происходит. После того как первый шок прошёл и давящая немота стала нестерпимой, появилось понимание: писать как раньше нельзя. Но что значит «как раньше» и как можно/нужно теперь, кто вообще это решает и может решать?

Немецкий философ Теодор Адорно в эссе «Критика культуры и общества» задавал риторический вопрос: «Возможна ли поэзия после Освенцима?» Задавал он его в том смысле, что после Освенцима продолжать воспроизводить старую культуру — значит участвовать в массовом отрицании произошедшего и создавать условия, в которых критика этой старой культуры становится в принципе невозможна. А значит — быть обречённым на бесконечное повторение условного и реального Освенцима.

Леонид Георгиевский, как мне видится, в своей книге «Онейросеть» как раз пытается вырваться из парадигмы условной «старой» поэзии, разрывая связи с ней и в области поэтики, и в области политики.

Название книги представляет игру слов. Смешивая oneiros (с древнегреческого «сон») и нейросеть (искусственная программная структура, построенная по принципу функционирования реальной сети нервных клеток человека), Георгиевский обозначает буквально пространство грёз для искусственного сознания. «Неуклюжая глина нейросети облепляет твои слова ненужными слогами, перехватывая их в начале, подражая твоему худшему “я”. Что она лепит из твоего языка? Что-то простое и очень понятное тем, кого ты избегаешь...»

Денис Ларионов писал про Георгиевского: «анонимные герои и героини не совпадают с траекторией, по которой

движется слишком подробный, преисполненный удушающих “ненужных” подробностей мир, устроенный по бесчеловечным законам и провоцирующий такую же реакцию. Выход из этого сумрачного состояния может быть только один — отказ от навязанной извне целостности».

Поэзия Георгиевского извивается и сопротивляется попыткам извне сделать её «чем-то простым и очень понятным тем, кого ты избегаешь». Дискретная, фрагментарная, она удивительно точно фиксирует состояние сознания внутри сегодняшнего времени/безвременья («у глаз есть корни / что не позволяют / рассыпаться, как зерно, человек / человек рассыпан / держись, человек, потому что ты не умрёшь. тебе придётся / разговаривать с мёртвой землёй из невидимого угла»).

В текстах много природных объектов: земли, костей, льда, воды, глины и пыли.

я забыл, как правильно. эти знают
ветер до них донёс, вода
поползла по стене, как паук
подчинили нацию, солнце

у меня есть только поблёкшая кажимость

Как будто опереться можно только на вещественные объекты, они самые верные и честные, они не предадут и не исчезнут, не станут «поблёкшей кажимостью», как все социальные конструкты и социальные капиталы, сметённые ветром истории («Улитка летит без поддержки, потому что укрытие — не опора»).

Однако, несмотря на избыток вещества, в текстах книги есть немало примет сегодняшнего дня: Путин, Мариуполь, война, экстремизм, «чёрная дыра на месте кремля», доносы, вырусь (мерзкое пропагандистское словечко, которым называют всех, кто против военной агрессии России, а значит, якобы, и против России).

Приметы эти именно что временные. Они не выдерживают соперничества с вневременными огромными понятиями, как бы не стремились отделиться — всегда остаются только

их частью, их производными — «доносы, написанные сплошной добротой на льду», «стать тяжёлыми кольцами вихря на шее чиновника».

Шум времени пытается ворваться в мир субъекта, но тот держит оборону. Сквозь постоянное ощущение себя чужим: буддистом в христианской стране («пхова им звучит как пасха»), как будто и экстремистом в стране, где «сверху вода застывает международной серой радугой / и не движется» быть совершенно привычно и естественно.

некуда идти сквозь электричество
электричество их лиц защищает от смерти, а не от мерзкой жизни
потому что жизнь сильнее смерти, чем мерзее, тем сильней
жизнь замораживают, глядя на неё как на воду <…>

в детстве у меня было плохое зрение, я видел
издали чёрные пятна на белых стволах, сгущавшиеся до точек
восемь оборотов электроключа, и я возвращаюсь под кору дерева,
пёстрого от пуль

но, владычица истинного дерева, поправь меня
забери меня в подземную криокамеру, в камень <…>
с именем андрогина, с берега незамерзающей неводы

Вообще образ воды, высыхающей и становящейся льдом, композиционно организует всю книгу. Живая вода становится сухой землёй / обездвиженным льдом, как раз когда в текстах книги появляется политика, сегодняшний день, от которого не скрыться. Сначала «вода поползла по стене», «человек — кистепёрая рыба // вместо крестов плавники, он говорит плавниками // (но) вода медлит», «бестолковые старики русской саньясы пляшут под русским дождём», «слёзы воды, чёрные, как последняя улица», «эта вода почти чёрная / пей неводу», «Путин зашел в Бучу, как в море», «человек, рождённый потоком воды», «бог проплывает мимо», «аккуратно отмытые небо и земля», «мы родились у затопленных городов среди которых нет / ни одного китежа». Потом вода высыхает/замерзает, в ней больше нет жизни, только «мёртвая белая земля», «камни, мимикрируя под воду,

просачиваются сквозь ячейки / некоторые застывают на полдороги», «мёртвые рыбы идут по стеклу льда», «подо мною лёд / и я тоже лёд», «снег дышит лекарством», «дом рассыпается, словно снег», «чёрное полотенце земли», «сырая дешёвая пустота», «лучшего не случится / только подмёрзшая земля этой земли», «доносы, написанные добротой на льду».

Мифологический мир, внутри которого свои законы, улитки, птичьи кости, говорящие камни, сквозь который струилась вода — как живая кровь, — замёрз. Он умер и стал жутким местом, из которого остаётся только бежать. А скрыться от токсичной Родины-матери, кажется, почти невозможно.

Родина тебя бросит, дочка,
прежде чем ты от неё уйдёшь.

У неё лицо депутатки, предлагающей
отнимать у политэмигрантов квартиры. Лицо ментовки,
бьющей подростка шокером. У родины женское лицо.
У родины мужское лицо. У неё любое лицо.
Иногда — твоё, и она может бросить кого угодно.

У неё лицо москвички, визжащей:
«В девяностые в деревнях люди жили не хуже, чем мы!»
«У нас тоже отключали электричество!»
«Не только мариупольцы страдают, но ещё и мы!»
«Я тоже работала, правда, не уборщицей!»
Но она — онтологическая уборщица
чёрных мешков с твоими иллюзиями,
нашинкованными, как мясо.

Родина-вобла плывёт
по реке, воды из которой
ты не получишь.

Родина — синяя изолента
на твоих губах. Синяя курица
из горбачёвского магазина, синее пятно от дубинки.

Ты просишь: брось меня
в реку, чтоб я уплыла,
или убей меня быстро.
Но её оружие — медленное, её реки
скоро закроются на ремонт,
а это значит — до самыя смерти.

Причём, кажется, дело не в авторитарном государстве, с которым можно и побороться, а в каких-то гораздо более глубинных социальных конструктах, в том, как это общество дышит, двигается, думает, говорит. Где насилие разлито в воздухе настолько, что перестаёт ощущаться. Настолько, что, в общем-то, можно просто равнодушно смотреть на всё происходящее и на гипотетическую будущую свободу — не более чем на «казённую перистальтику освобождения».

Бог проплывает мимо.
Твой бог, твоё поле.
Череп России. <…>

Россия в черепе твоего бога.
В кишках твоего бога.
Казённая перистальтика освобождения.

Язык, привычный для этого общества, служит прежде всего инструментом угнетения и насилия.

Ты бережёшь язык насилия, как синицу в руках.
Как свечу в рукаве, думая, что твой рукав — неопалимая купина.

«Зубастый язык родины с дырами англицизмов, / жёлтыми, словно окна в соседнем доме, пятнами канцелярита» — язык из категории становится объектом, органом жуткого левиафана. С помощью языка он проглатывает и пережёвывает.

После февраля 2022 года многие эмигранты болезненно осознавали, какой имперской, полной насилия и пускания пыли в глаза всё это время была национальная культура. Локальная национальная литература с трёхсотлетней историей, раздутая

до «самой великой» и «единственно важной». Помню, как в музее армянского хранилища древнейших рукописей Матенадаран (одном из крупнейших в мире) я смотрела на трактаты по анатомии VII века и нотные записи X века и думала, что русский алфавит был создан только в IX веке.

Каждая жаба может править поэзией,
если эта поэзия — русская.
Читатель, готовый убить за феминитивы,
читатель, глумящийся над трансгендерными людьми,
читатель-Москва, не читающий чуждую литературу:
там липецк, заборы, коровники, мы в аду, мама;
читатель-еврей, ненавидящий темнокожих,
читатель, смеющийся над укра́инским языком,
читатель-буква-с-акутом, такой особенный,
точнее, «особенный», — жаба плывёт над вами
в невидимой русской воде,
будто покрытой пылью.

Русского голоса хватит, чтоб затравить всех пришлых,
но никогда не хватает на фразу: «Убирайся, звезда», —
вот она и горит

Токсичное русское литературное сообщество, в котором стали нормой физическое и сексуальное насилие, отсутствие института репутации, вертикальные структуры и бесконечные бинарные оппозиции. Можно было мириться с положением дел в этом пространстве, закрывать глаза, делать вид, что ничего не произошло и никогда не происходило, ведь как будто бы ничего другого не было. Но ещё можно вышагнуть из заколдованного мелового круга — и ничего страшного не случится, только ты станешь на шаг дальше от раскрытой могилы:

что я пришлю из русской пустыни культуры
нерусскому богу культуры, если здесь такое близкое небо,
если оно пахнет помётом, если культуру
здесь строят из краденых кирпичей,
если краденый кирпич русской культуры уже летит мне в лицо?

Вандалы пишут на стенах, варвары подменяют ценники,
мешая культуре осушать моря, мешая политической музыке
расстилать туман,
мешая небу превращаться в топор, но могила по-прежнему горит,
как звезда,
теперь её не остановить.

Нина Александрова

Содержание

I

Мёртвые улитки перемещаются иначе 5
Поломка незначительных высот 6
Шельф 8
Заткнись, муза. 9
«так закончится мир: может, и взрыв, но серый...» 10
«предыдущее потеряли, спутав паузу и причину...» 11
Где же теперь башка твоя, сука? 12
Неводы 14
Медленная система 15
Нет твоего места 16
Ссаному русскому року 18
Что такое камень? 19
«клочья воздуха...» 21
«лилии вымерзания...» 22
Череп освобождает 23
Спираль 24
Самозванка 25
Зоохристианство. 27
Как падает мент 28
Стихи с некорректной лексикой 30
На Проспекте Смерти 32
Онейросеть 34
Между камнем и ящерицей 35
«разрубили множество...» 36
«из разрушения системы выплывет как ничего...» 37
Кости ума 38
«туда, где любую речь вынесет на берег...» 39
«станешь старым, пойдёшь, как дыхание...» 40
«пчёлы читают...» 41
«карта снежных помещений..» 42
«когда я снимаю маску, когда я снимаю маску, держись...» 43

ВМПС 44
Иначе ничто. 45

II

Заводные иконы некрополиции. 49
«твари великолепий...» 51
Поэма о родине 52
80x80. 54
ОК, бумер 55
«оборачиваясь на все четыре стороны, человек создаёт...» 57
Углы холода 58
«иисус родился животным...» 59
Поблёкшая кажимость. 60
Гендерно-нейтральное подражание Маяковскому. 61
Перебежчица 62
Трава-свинчатка 64
«неужели тебе недостаточно этого сна с его затылками...» 65
«я работал немым в этом скользком доме...» 66
Autofiction. 67
Грязные, как небо 69
«Звезда, упавшая с кремля, недостойна чёрного цвета...» 70
«партия-смерть гуляет...» 71
«некуда идти сквозь электричество...» 72
Экстремизм 73

У затопленных городов.
Послесловие Нины Александровой 74